

ИСТОРИЯ

О.А. Верещагин

Метаисторический проект постмодерна. Перспективы создания «тотальной» истории

В пространном комментарии Ф. Анкерсмита [1] по поводу лиотаровского состояния постмодерна воспроизводится представление о постмодернизме как теории истории и об истории. О метанарративах (гранднарративах) Лиотар рассуждает в контексте легитимации науки, говоря о том, что наука для своей легитимации нуждается в другой форме знания, то есть в истории. Сама же традиционная история также легитимировалась через гранднарративы (метаннарративы). Критика метанарративов с этой точки зрения – это критика Истории как важнейшей повествовательной инстанции (важнейшая объяснительная система Современности). Необходимо признать, что история – это наиболее прочный и остающийся незабываемым бастион Современности, который до последнего времени сопротивляется давлению из Постсовременности.

Одним из способов упорядочения теоретического пространства современного исторического знания является его деление на макро-, микро- и метаисторические уровни. Как микроисторию, так и метаисторию относят к постмодернистским течениям, открыто провозгласившим разрыв с классикой, с позитивистской парадигмой модерна. Существенно важным является представление об их общей ревизионистской природе, общей ревизионистской направленности по отношению к традиционной практике историописания. В значительной

части исследований дистинкция микро- и метаисторических исследований вообще не проводится. Это еще раз подтверждает тезис одного из главных теоретиков «лингвистического», «нарративного» и «текстуалистского поворота» Х. Уайта [5] о том, что современное историописание находится в состоянии концептуальной анархии.

Определенно можно утверждать лишь то, что в сознании профессионального сообщества гуманитариев (философов, историков и лингвистов) утвердилось мнение о постмодернистской модели историописания как о модели, отстаивающей принципы фрагментарности, процессуальности истории (метафорический взгляд на Историю как мозаичный калейдоскопический процесс). Микроистория трактуется как методологическое кредо и микрофилия – как специфическая характеристика стиля мышления.

Что же? Действительно, в подобном взгляде на суть постмодернистского вызова Истории как базовой повествовательной инстанции (фикции) Современности есть достаточные основания. Суть подобного представления укоренена в критике («специфическом недоверии») к метанарративам или гранднарративам, которые должны, по мнению Лиотара, уступить место локальным повествованиям. Как теория об истории, полагает Анкерсмит, идея Лиотара есть критика общепринятых концепций фундаментального *единства* прошлого: прошлое разбито на множество несоизмеримых фрагментов, а фрагментация современного интеллектуального мира является зеркальным отображением распада прошлого. Анкерсмит, говоря о постмодернизме как радикализованном историзме, признает, что существовать он может лишь в пределах матрицы деталей (локализм, регионализм, анекдотизм, аксидентализм, партикуляризм) и т.п.

Идея дискретности истории (история как дисконтинуирует, дисконтинуальность в качестве базового методологического принципа) канонически зафиксирована М. Фуко [6], ко-

торый предлагал ввести идею разрыва и прерывности в сами основания исторического мышления и исторического взгляда. «Традиционные средства конструирования всеобъемлющего взгляда на историю и воссоздания прошлого как спокойного и неразрывного развития должны быть подвергнуты систематическому демонтажу... История становится “эффективной” лишь в той степени, в какой она внедряет идею разрыва в само наше существование» [6, с. 29].

Метаисторический проект постмодерна задан той же ревизионистской волной 60–70-х годов и актуализирован социальной практикой 80–90-х годов. В определении предметного поля метаисторических исследований мы встречаемся с ситуацией концептуальной, понятийной и категориальной неопределенности, недостаточной проработанности используемых дефиниций.

Существует лишь наиболее общее представление, очерчивающее познавательное поле метаистории – это реальность, которую нельзя «увидеть и пощупать», это история смыслов, выраженных в очевидной реальности языковыми единицами. В центре внимания метаистории – история человеческого сознания, запечатленная в текстах. В данном определении, наверное, наиболее неоднозначным является тезис о метаистории как истории человеческого сознания, хотя вполне последовательно (в частности Р. Рорти) проводится идея свершившегося в практике мышления перехода от философии сознания к философии языка (в действительности все методологические проблемы современной гуманитаристики – это в первую очередь проблемы словаря и должны быть рассмотрены в модусе языковости).

В настоящее время большинство идей постмодернистских авторов архивировано в силу отсутствия в них прежней степени новизны, оригинальности, наконец, в силу того, что интенсивное настоящее уже наступило, и споры историографов вышли из собственно методологической и эпистемологичес-

кой плоскости в сферу идеологического противостояния. Как отмечает большинство исследователей, место постмодернизма в историографии аналогично солипсизму в традиционной западной метафизике: с позиций логики он непроверяем, но все знают, что он неправилен.

Подчеркнем, что неприятие постмодернизма подчас носит идеологический, идеологизированный характер, что, впрочем, не уменьшает его популярности в интеллектуальной среде. Наибольшие возражения «традиционалистов» связаны с постмодернистской проблематизацией референта и его настойчивостью в деконструировании модернистского различия между языком и миром. Пантекстуальность и панъязыковость постмодернистских практик «критического чтения» прокладывают путь лингвистическим моделям историописания, где становится возможным стирание различий между планом выражения и планом содержания, где Означаемое (референт) есть лишь серия означающих. Ж. Деррида [3] в своей кричащей работе «Вокруг Вавилонских башен» четко и недвусмысленно (в чем его часто обвиняют оппоненты) высказывается о гибели референта в тексте, о примате копии над оригиналом – «оригинал есть первый должник, первый проситель – он начинает с вымалывания и нехватки перевода».

В анализе постмодернистских атак на историческую реальность канонической является идея Бодрийяра о предшествовании карты территории. Впредь карта будет предшествовать территории, карта порождает территорию. Результат – генерация *реального* без референции к реальности: *гиперреальное*, как называет его Барт. В «Дискурсе истории» [2] Барт говорит об «эффекте реальности» или о гиперреальности истории (Броделевское «Средиземноморье» – это живущая своей жизнью гиперреальность истории).

При всем разнообразии существующих концептуальных построений можно выделить то общее, что объединяет постмодернистские историографические модели – это, безусловно,

их представление об объекте историографического анализа, об интертексте. Положение, что история и общество являются тем, что может быть «прочитано» как текст, привело к восприятию человеческой культуры как единого «интертекста», который, в свою очередь, служит как бы предтекстом любого вновь появляющегося текста. Важным последствием уподобления сознания тексту было «интертекстуальное» растворение суверенной субъективности человека в текстах-сознаниях, составляющих «великий интертекст». Отсюда возникает специфическая проблема интерсубъекта – субъекта интертекста, который обладает объективно заниженным эпистемологическим статусом. Реальность, в том числе реальность историографической деятельности, оказывается дегуманизированной, обезличенной, имперсональной. Элиминируется проблема взаимодействия автора текста с действительностью.

Авторство Сократа ниспровержено практикой текстуальной интеракции, именно в этот момент становится возможна ситуация, когда Сократ пишет под диктовку Платона. «Я» – не мышление и не голос. Скорее, это какой-то «читатель» «текстов». Но кто же их производитель? Действительно, кто же производит тот текст, который залегает глубже мышления и голоса? Другие тексты. Тексты порождают тексты. Нет никакого авторского «Я» как источника текстов. Тексты не нуждаются в авторе; автор возникает лишь как точка схождения текстов и в то же время как точка их продуцирования. Понятно, что эта точка постоянно перемещается. Вместо авторского «Я» обнаруживается интертекстуальность. Тексты перекликаются, переговариваются, проникают друг в друга. В этом текстовом промискуитете невозможно установить никакой генеалогии и никакой центрированности. Собственно, коммуникация текстов происходит не в какой-то точке, а в виртуальном коммуникационном пространстве. Элементы коммуникации становятся таковыми, то есть приобретают смысл, только в момент коммуникации, а эта последняя создается первыми. Смыслы

возникают в смысловом пространстве, конституируемом самими смыслами. При этом смыслы обмениваются только на смыслы и ни на что другое. Сначала запись, а потом голос. («Интертекстуальность для познающего субъекта – это признак того способа, каким текст прочитывает в историю и вписывается в нее».)

Справедливо занесем в актив постмодернистов то, что они привлекли внимание к тому факту, что не существует ментальности помимо слова и нет такого метаязыка, который позволил бы рассматривать действительность независимо от ее языка. Тем не менее роль языка заключается не в нем самом, а в том, что он выступает посредником между текстом и реальностью.

Показательно, что адекватного ответа на постмодернистский вызов пока не найдено. В частности, традиционная историография оказалась не в силах опровергнуть основополагающий тезис лингвистически ориентированных моделей историописания об интертексте как объекте исторического и историографического анализа, о нарративе как базовой эпистемологической категории и нарративизации как преимущественном способе концептуализации прошлого опыта (вспомним тезис Коллингвуда о том, что из нарратива родилась вся современная историография).

Направления поиска современной историографии также определены представлением об интертексте как информационной реальности, связывающей воедино текст, человека и время. В данном подходе (в представлении об интертексте как объекте постмодернистского анализа) объект познания трактуется не как что-то внешнее познающему субъекту, а как то, что конструируется языковой и дискурсивной практикой. Язык выступает не средством отражения и коммуникации, а главным смыслообразующим фактором, детерминирующим мышление и поведение. Смысл «поворота к языку», по мнению Ф.Р. Анкерсмита, одного из ведущих теоретиков исторического нарратива, состоял в том, что, поскольку было осознано, что

язык составляет принципиальное условие знания и мышления, исследования в области социальных, политических, психологических и культурных проблем должны были быть сформулированы как языковые.

Итак, вопрос о местонахождении истории как ментальной сущности в представленном методологическом и эпистемологическом ракурсе вполне очевиден. История зафиксирована в чужих свидетельствах, вербальных и нарративных. Предскажем и ответ на вопрос об адекватности прошлому «языковых следов, языковых свидетельств», представляющих собой своеобразные «слепки с реальности». Они сконструированы в соответствии с востребованными знаковыми системами. Перед нами метаистория – метасистема, преобразующая исторический материал в зависимости от своих параметров. (Можно и вполне оправданно называть данную модель метанарративом, гранднарративом, метарассказом или метаповествованием.) Метаистория – это, безусловно, реальность, реальность знаковая, сигнальная, текстовая, природа этой реальности интерсубъективна. Если признать язык главной формой смысловой кодификации действительности, то тогда коды не могут быть индивидуальными. Они должны существовать независимо от людей, чтобы быть понятным всем. Реальность, создаваемая и передаваемая автором как культурная реальность, неотделима от процесса понимания, интерпретации и устанавливается в тексте во имя согласованной (в пределах правил культуры, парадигмы, эпистемы), интерсубъективной истинности.

Относительно перспектив историографии, построенной на принципах лингвистической метаистории, можно ответственно заявить, что подобной не существует. Нельзя назвать ни одного значительного конкретно-исторического произведения, которое основывалось бы только на принципах метаистории постмодерна. Справедливо звучат критические замечания относительно пантекстуальности и панъязыковости

постмодернистских практик «критического чтения». Текст является пассивным материалом, его смыслопорождающая функция зависит от активности автора-субъекта и читателя как его соавтора. Словами играют люди, а не слова сами собой. Чтобы установить их смысл, надо выявить намерения автора, социально-политический и духовный контекст и как бы погрузиться в эпоху.

А. Гуревич [4] репродуцирует общую направленность представлений в практике современного историописания, в том числе представления о прошлом как отсутствующем объекте. Историческое прошлое «каким оно, собственно было» представляется внеположным нашему сознанию фрагментом мира (используя современную терминологию, – трансцендентальное означаемое, план содержания, референт). Однако именно вокруг Означаемого можно выстроить окрестность исторических событий. Но его восстановление, по мнению Гуревича, невозможно. То, что изучают историки, есть предмет, то есть тот образ прошлого, который возникает перед умственным взором историка, когда тот формулирует свои вопросы. Вспоминается в данном случае известный тезис о возможности конструирования исторического прошлого – мы можем познать прошлое как «фактически экзистентно бывшую возможность». В данном случае опровергается известный тезис М. Блока – о прошлом как о данности, в котором нет места возможному.

Умеренные представители «интеллектуальной истории», усвоившие основные идеи лингвистического (семиотического) поворота, приходят к выводу о необходимости восстановления Означаемого, референта. Вторичному историческому тексту (а именно о нем идет речь в новой философии истории) всегда должен соответствовать референт. Он репрезентирует ту реальность, которая отражается в тексте. В качестве референта может выступать, например, исторический факт, взятый как в динамике, так и в фиксированном временном интервале

и обладающий специфическим онтологическим (инвариантность) и познавательным (интенциональность, например) статусом.

Антиобъективисты от историографии являются одновременно и антигуманистами, поскольку лишают историю человеческого смысла и человеческого измерения. Соответственно лингвизация, текстуализация, семиотизация исторического знания является антигуманистической тенденцией в развитии современной культуры. Человечество объективно нуждается в целостном образе истории как интерсубъективно разделяемом и субъективно охраняемом контексте главенствующих форм жизни. В противном случае мы теряем не только целостный и вполне определенный взгляд на историю, но теряем самого человека. Целостность человека и единство образа истории взаимообусловлены, взаимоопределены. В ситуации теоретической аннигиляции субъекта универсальный исторический горизонт оказывается свернут. Когда мы не имеем трансцендентального означаемого, историческое течение представляет собой «текст» без смысла, текст, который может быть препарирован и интерпретирован как угодно. Удержать исторический горизонт можно, восстановив трансцендентальное означаемое, единый смысл происходящего. Как отмечает современный исследователь Соколов, историография должна обрести неподвижную точку «трансцендентального означаемого», неподвижная точка – «центрированная» точка трансцендентального означаемого, вокруг которой можно выстроить окрестность событий.

Выступая против последовательной и тотальной «текстуализации» исторического знания, мы тем не менее вынуждены признать важность и значимость нарративного производства. Здесь нет противоречия. Нарративизация истории – один из важнейших путей сохранения автономии исторической науки. Исторический нарратив является единственно возможным средством концептуализации прошлого, прошлого вне исто-

рического рассказа не существует, метафорический же образ прошлого составляет основу исторической репрезентации.

Нарратив, повествование (мы будем употреблять эти термины как синонимы) – главная форма, посредством которой вымысел живет в культуре. С его помощью мы придаем опыту форму и смысл, упорядочиваем его посредством выделения начала, середины, конца и центральной темы. Человеческая способность рассказывать истории есть главный способ, каким людям удается упорядочить и осмыслить окружающий мир. Необходимо признать, что История подвергается «предварительной текстуализации» или «нарративизации» – и это единственный путь доступа к ней. Реальное, История не существует в качестве автономной инертной субстанции, дистанцированной от текста, она вплетается в текстуру произведения искусства, приобретая тем самым актуальность для нас. Мы проживаем историю в форме повествования, асимптотически приближаясь к Истории, но не касаясь ее непосредственно.

Список литературы

1. Анкерсмит Ф.Р. История и тропология: взлет и падение метафоры / Пер. с англ. М. Кукарцева, Е. Коломоец, В. Катаева. М.: Прогресс-Традиция, 2003.

2. Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М.: Издательская группа «Прогресс», «Универс», 1994.

3. Деррида Ж. Вокруг вавилонских башен. СПб.: Академический проект, 2002.

4. Гуревич А. О кризисе современной исторической науки // Вопросы истории. 1991. № 2–3.

5. Уайт Х. Метаистория: Историческое воображение в Европе XIX века. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2002.

6. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. М.: Изд-во «Прогресс», 1977.